

Вадим Россик

18+

Уйти, взявшись за руки

мистический триллер

Вадим Россик

Уйти, взявшись за руки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42345411

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-93565-5

Аннотация

Это жестокая и печальная история для читателей с крепкими нервами и желудком. Андрей поступает на подготовительные курсы института. В поезде он знакомится с Русалиной. У них завязывается роман. Вскоре после начала занятий Андрей замечает, что в институте творится что-то неладное. Одна за другой исчезают абитуриентки. Преподаватели объясняют исчезновение девушек тем, что те бросают учёбу и уезжают домой. Андрей подозревает, что и Русалине грозит опасность. Начав собственное расследование, он узнаёт, что всё не так плохо, как кажется, а гораздо хуже. Выбора нет, и влюблённые вступают в борьбу, где поражение – смерть, победа – любовь.

Содержание

День первый. Теория и практика смерти	4
Часть первая. Третины	14
1	14
2	31
Часть вторая. Девятины	45
3	45
4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Вадим Россик

Уйти, взявшись за руки

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше.

Первое послание к Коринфянам 13:13

День первый. Теория и практика смерти

«Господи, помилуй нас!»

Но Тот, Кто Создал Себя Сам бесстрастен. Он ведь заранее знает, что произойдёт.

* * *

Середина мая, военный полигон в астраханских степях

– Предназначение этой увесистой хреновины, воины, – причинять людям вред, – ворчливо говорит Усатый Прапор, подбрасывая на ладони рифлёную яйцеобразную гранату. Разумеется, у Усатого Прапора есть фамилия. Какая-то украинская: то ли Перебейнос, то ли Забейворота, Займидорога или Побейпечь, а может, Продайвода. В общем, нечто

диковинное, но пацаны зовут его просто и понятно – Усатый Прапор.

– Метание оборонительной или наступательной гранаты складывается из безупречного выполнения следующих приёмов: изготовления для метания и самого метания. Изготовка для метания – это зарядание гранаты и принятие положения. Зарядание гранаты производится по команде «Подготовить гранаты!», а в бою, кроме того, и самостоятельно. Для зарядания необходимо вынуть гранату из гранатной сумки, вывинтить пробку из трубки корпуса и ввинтить запал. Граната готова к броску. Закрепили в голове? Рядовой Фантиков!

– Я, товарищ прапорщик!

– По какой команде производится метание гранат?

Высокий худой Фантиков нервно поправляет очки.

– Метание гранат производится по команде «Гранатой – огонь!» или «По траншее гранатами – огонь!», а в бою, кроме того, и самостоятельно, товарищ прапорщик!

– Добре, рядовой Фантиков. Напоминаю, для правильного метания гранаты необходимо вот что: первое – взять гранату в руку и пальцами плотно прижать спусковой рычаг к корпусу гранаты. Второе – продолжая плотно прижимать спусковой рычаг, другой рукой разогнуть усики предохранительной чеки и за кольцо указательным пальцем выдернуть ее из запала. Третье – размахнуться и бросить гранату в цель. После метания гранаты укрыться. Таким нехитрым способом, воины, вы метаете гранаты одну за другой до полного исчез-

новения противника. Ваше умение далеко и точно бросать, возможно, поможет вашим родителям избежать тягостных затрат на похороны. Закрепили в голове? Вопросы есть?

Фантиков по-школьному тянет руку кверху.

– Что у тебя?

– А как отличить оборонительную гранату от наступательной, товарищ прапорщик?

– Очень просто, рядовой Фантиков. Выдёргиваешь чеку, ложишь гранату на землю, снимаешь штаны и садишься на неё. Когда ёбаквакнет, смотришь. Если тебе задницу посекло осколками, то наступательная, а если разворотило в виде чудесной розы, то оборонительная. Закрепили в голове? Ещё вопросы есть?

Пацаны гогочут, дружески пихая Фантикова. Усатый Прапор окидывает строгим взглядом смеющиеся мальчишечьи лица, смачно откашливает табачную мокроту:

– Хррр-ха! Отставить веселье! Итак, воины, теорию мы повторили. Теперь переходим к практике. Рядовой Родионов!

– Я, товарищ прапорщик!

– Подготовить гранаты!

* * *

Спустя год, две тысячи километров от военного полигона

Мрачное здание на окраине (улица Героической борьбы, дом тринадцать) девушке не понравилось с первого взгляда. Чему тут нравиться? Вечером окрестности выглядят, как богом забытое место. Днём тоже. С одной стороны лежит обширный пустырь, густо заросший колючими сорняками, с другой наступает дремучий лес. Между пустырём и опушкой леса, одинокий, как последний зуб старика, торчит Институт. Раньше здесь находилась психиатрическая лечебница закрытого типа, а теперь готовят юристов. В наше время их везде готовят.

Девушкин поезд опоздал на четыре часа, поэтому, когда она, наконец, добирается до Института, в серо-голубом небе светятся бледные звёзды. К счастью, приёмная комиссия ещё работает. Девушка успевает сдать документы бесцветной женщине неопределённого возраста и получить у неё направление в общежитие.

– Поторопись, девочка, – бормочет бесцветная женщина, подавая бумажный листок. – Скоро совсем стемнеет.

– Я не боюсь темноты, – через силу улыбается девушка. Смешно! Что она, маленькая? Девушка считает себя взрослым человеком, умеющим водить автомобиль (папа научил) и целоваться (а это уже заслуга любимого парня).

Бесцветная женщина равнодушно опускает голову к папке с доказательствами ещё одного богатого внутреннего мира.

– Комендант закрывает общежитие в одиннадцать. А впрочем, как хочешь. Я тебя предупредила.

Девушка не винит бесцветную женщину за отсутствие у той интереса к посторонней жизни – обе слишком устали. Она с невольным вздохом отрывает от пола чемодан, выходит из кабинета, деликатно, словно в кабинете остался покойник, закрывает за собой дверь и теряется под высокими сводами едва освещённых галерей, изобилующих неожиданными поворотами, непонятными изгибами, лишними углами.

Душный майский вечер. Свинцовая тяжесть чемодана в руке. Одинокие, гулкие, как в пещере, шаги. Бесконечный запутанный путь через весь Институт в общежитие. Сначала прямо, поворот, ещё один поворот, лестница вверх, снова прямо, поворот, лестница вниз, опять прямо... Ну, где же ты, недостижимая общага?! Вдруг полумрак ледяными руками сжимает сердце. Девушке становится ужасно страшно. Ей кажется, что она здесь не одна, что кто-то следит за ней. Жуткие безмянные сущности без лица. Неведомые злобные твари. Барабашки. Все чудовища из её детских кошмаров разом. Девушка трогает свободной рукой медальон на шее – два серебряных сердечка, соединённые вместе. Это ей любимый парень подарил. Она очень-очень любит своего парня! Девушка останавливается, наклоняет голову набок, прислушиваясь.

– Господи, сделай так, чтобы я ошиблась! – шепчет она пересохшими губами. – Где у этой истории стоп-кран? Я хочу сойти.

Дрожа, как марионетка в руках испуганного кукольника, девушка замедляет шаг. Дорогу ей пересекает длинная чёрная тень. Секунду назад здесь никакой тени не было. Наверное, её только что произвёл на свет этот проклятый Институт.

– Добрый вечер, блондиночка. В доктора поиграем?

* * *

– Гранатой – огонь!

Родионов послушно выдёргивает предохранительную чеку из запала.

– Гранатой – огонь! Чего ты ждёшь? Кидай, Родионов!

Вздрогнув от окрика Усатого Прапора, Родионов размахивается и отправляет чеку далеко за бруствер окопа. Чуть рука не сорвалась с крепления.

– Да не чеку, воин! Гранату кидай!

У Родионова ещё остаётся возможность остановить надвигающуюся катастрофу, но нет, не получается. Тяжёлое зелёное яйцо выскальзывает из неловких пальцев и шлёпается в грязь, прямо под ноги Родионова. Больше шансов нет. Ну, вот и смерть твоя пришла, растяпа!

Иstoшный ор Фантикова:

– Ребя, беги!

Сулящая хороший конец команда Усатого Прапора:

– Все наверх!

Пацаны моментально выпрыгивают из окопа. Усатый прапор отшвыривает Родионова с дороги и с кряхтением ложится грузным животом на гранату. Может быть, бронезилет поможет? Усатый Прапор ещё успевает повернуть голову к Родионову и послать ему прощающую улыбку. Граната глухо ахает. Улыбка злобным оскалом костенеет на мёртвом лице. Лишь один-единственный крохотный осколок вырывается на свободу и чиркает Родионова по правой щеке. Оставляет метку. А бронезилет-то Усатому Прапору не помог. Понедельник – день тяжёлый.

* * *

Чёрная тень обретает тело и личность, какие совсем не полагаются такому бесплотному объекту. Но никаких лапищ, заросших диким волосом, никаких остроконечных ушей или вывернутых ноздрей. Ничего сатанинского. Чисто выбрит, приторный голос. Вот только белый халат на плечах и узкий медицинский скальпель в латексной печатке не вполне уместны. Впрочем, нельзя запретить психопату выглядеть, как психопат. Это же Доктор – маньяк-убийца, существо без души. Когда Зло проникло в мир и встретило Доктора, оно содрогнулось.

– Вы кто?! Что вам надо?

– Ты очень красива. Тебе бы проституткой работать. Но твои веснушки мне не нравятся.

Девушка отпускает чемодан, который с грохотом падает на линолеум, и пытается бежать, однако Доктор цепляет её за медальон.

– Куда же ты? Слушай, а с тобой непросто.

Доктор ещё не знает, как непросто будет с этой девушкой, а если бы и знал? Вряд ли это что-то бы изменило.

Девушка хочет закричать, но скальпель неожиданно легко протыкает ей гортань и вместо пронзительного крика раздаётся лишь тихий хрип. Розовая пена пузырится на губах и горле. Доктор точно рассчитанным движением, вскрывает брюшную полость девушки. Фонтанирует кровь. Это вовсе не битва не на жизнь, а на смерть. Это умерщвление кроткого ягнёнка. С хихиканьем безумца, Доктор потрошит то, что было девушкой и, чтобы не дать этому опрокинуться на спину, наступает ногой на вывалившиеся кишки.

Стены крелятся. Пол идёт под уклон. В полном одиночестве девушка летит в бездонную немую пропасть, состоящую из замогильного мрака. «Я не хочу туда! Я хочу домой! К маме!»

Поднявшийся ветер стонет за окнами, оплакивая погубленную жизнь.

* * *

Тот же день.

Во тьме за глухими стенами воет и бьётся ветер. В сумеречном свете тусклых лампочек теряется конец длинного коридора. Эхо шагов гулко отдаётся от стен, забегает вперед, в полумрак, возвращается назад и, наконец, затихает. Впереди маячит чей-то размытый контур Кто там? Живое существо или может, это влияет на воображение неумолимая жара?

– Не притворяйся, что тебя здесь нет! Зачем ты сюда приехал? Институт – место кошмаров и смерти! Это место принадлежит Черно книжнику!

Размытый контур превращается в чудовищное создание. Лицо здоровенной твари непрерывно меняет свои очертания самым ужасным образом: крючковатый нос становится гораздо крупнее и нависает над щелью рта, из которой вылезают огромные жёлтые клыки. С клыков течёт слюна. Рубиновые глазки пылают неистовой злобой и жадой убийства. Фигура тоже трансформируется: ноги укорачиваются, а руки удлиняются. Такими ручищами можно обнять пароход. На уродливых пальцах отрастают длинные когти. За плечами вырастает большой кривой горб, готовый обратиться в широкие перепончатые крылья. Жуть жуткая.

Люто взыв, тварь вонзает когти в горячее сердце и тушит искру человеческой жизни.

Справка

Однажды настаёт тот скорбный час, когда останки преста-

вившегося предаются земле, где они будут покоиться до конца времён и всеобщего воскресения. Особые дни поминовения усопшего – третий, девятый и сороковой. Поминовение в эти дни согласуется с церковным учением о состоянии души за гробом. Молитвенное воспоминание умершего именно в эти дни имеет большое значение для него и для облегчения страданий от разлуки с телом, и для умиловления Господа, Который один определяет по земным делам человека подобающее ему место за гробом.

Часть первая. Третины

*Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак
будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.
Св. Евангелие от Матфея 10:16*

1

– Родионов! Зачем ты сюда приехал?

Люто взыв, страшный монстр вонзает когти в сердце Родионова и Родионов мгновенно просыпается. Распахивает глаза, рывком садится на постели, дико озирается. Где он? Что с ним?

Родионов заключен в тесную трясущуюся коробку. Внутри чернильная тьма, душно. Снаружи остывает насквозь мокрая ночь, но её не видно – плотная оконная штора опущена до самого низа и ни один лунный лучик не пробивается в купе. Это Русалина так захотела. А кто такая Русалина? Ах, да! Попутчица. Веснушчатая девчонка с пушистыми светло-русыми волосами, стянутыми на затылке в хвостик. Вон она что-то бормочет во сне, свесив руку с верхней полки. Родионов с облегчением переводит дух. Вспомнил! Он же едет на поезде в незнакомый городок, поступать в Институт. Толстая хмурая проводница давеча ворчала на посадке,

что в этот городок вообще мало кто ездит. Туда ведёт тупиковая ветка.

Старый вагон гремит и качается. Немногочисленные пассажиры крепко спят. У Родионова вдруг невыносимо начинает зудеть правая щека. Он осторожно трогает её – холодная, как эскимо. Ага, ясно – это чешется шрам, полученный прошлой весной в армейке.

– Хрррр-ха!

Оказывается, в купе кроме Родионова и Русалины есть кто-то ещё. В густой черноте напротив Родионова едва угадывается чей-то силуэт с нечёткими границами. Силуэт притаился под полкой, на которой лежит Русалина.

– Будь здоров, воин.

Что за глюк? Неужели это Усатый Прапор? От удивления у Родионова даже шрам перестаёт чесаться.

– Это вы, товарищ прапорщик?!

– Угадал с первого раза. Добре.

– А я думал, вы того...

– Правильно думал.

– А как же вы здесь?

Усатый Прапор невидимо ухмыляется:

– Значит, недостаточно глубоко закопали. Хе-хе. Шутка, воин. Я тут как бы в командировке. Помогать тебе, советовать, ну и всякое такое. Закрепил в голове?

– Так вы мой ангел-хранитель, что ли?

– Типа того. В общем-то, так себе занятие.

Родионов признаётся:

– Если честно, я в призраков не верю, товарищ прапорщик.

– Не смущайся. Я тоже раньше не верил.

– Ну и как там? Вам нравится?

– Не то слово! Не поверишь, воин, но я только сейчас начал жить по-настоящему.

– Шутите, товарищ прапорщик? А почему именно вы мой ангел-хранитель?

– Связаны мы теперь с тобой, Родионов. С того самого понедельника.

Родионов, запинаясь, произносит:

– Вы уж простите меня, товарищ прапорщик. Не держите зла. Я, правда, не хотел.

Усатый Прапор добродушно хмыкает:

– Я вижу, ты ничего не понимаешь, воин.

– Чего я не понимаю?

– Да пока совсем ничего.

– С кем ты разговариваешь, Родионов?

Проснувшаяся Русалина включает жёлтый свет ночника. Родионов машинально поднимает глаза на недовольное лицо попутчицы, потом соскальзывает взглядом вниз. На нижней полке никого нет. Усатый Прапор, как и полагается настоящему привидению, исчез. Умудрился растаять даже в плотном спёртом воздухе, принявшем форму коробки. Или Уса-

того Прапора и вовсе здесь не было?

– Ни с кем. Ты что не спишь?

– Плохой сон приснился. Как будто бы меня убили. Представляешь?

– Мой сон был не лучше.

– А тебе что снилось?

– Да так. Чертовщина какая-то. Уже не помню.

* * *

Среди ночи Алевтину будит какой-то неприятный звук. Она отрывает голову от влажной подушки, прислушивается, даже принюхивается. В столовой пахнет котлетами, в библиотеке старыми книгами, а в её комнате пахнет, как в гардеробе старухи. Одинокой нафталиновой старостью. Несмотря на тонкую льняную простыню, ночная рубашка Алевтины вся пропиталась потом. Этой весной стоит необычная жара. Май, а на тротуарах плавится асфальт, на дорогах трескаются бетонные плиты. Короткие ночи не приносят желанной прохлады. Даже когда идёт дождь. Вот как сейчас.

Стараясь не шевелиться в липкой постели, Алевтина напряжённо слушает частую дробь капель по оконному стеклу. Что же её разбудило? А может, показалось? Ровный стук дождя убаюкивает. Алевтина снова почти засыпает. Нет, не показалось! Вот опять! Алевтина явственно слышит тоненький детский плач. Мучительная тоска и неизбывное горе, звуча-

щие в ночной тиши, разрывают сердце, переворачивают душу и зовут к себе. Какой уж тут сон!

Лежать с этим хныканьем в ушах больше не вмоготу. Алевтина встаёт с кровати, надевает домашний халат на прежде могучее (сейчас-то больше жира, чем мускулов) тело метательницы ядра, подпоясывается. Папаша, будучи под хмельком, часто ей говаривал: «Давай-давай, Алька. Занимайся физкультурой, вырастешь здоровой душой!» Алевтина вымахала здоровая, но не дура. Окончила школу с золотой медалью, поехала одна в столицу, самостоятельно поступила в университет и, хотя получила красный диплом, но аспирантуру выбрала в этом никому неизвестном провинциальном Институте. Одна шапочная знакомая, работающая в нём библиотекарем, посоветовала. Алевтина долго не раздумывала. Ну, а что, в самом деле? Общежитие предоставляется, жизнь гораздо дешевле, да и признаться, надоели понты столичных мажоров.

Алевтина выходит в безжизненный коридор, слабо освещённый редкими тусклыми лампочками. Медленно идёт на плач. Что за наваждение? Откуда в институтской общаге мог взяться ребёнок? Неужели кто-то из абитуриенток привёз с собой? А куда смотрела приёмная комиссия в лице Абстракции Аркадьевны и Тани Храмытских? Как могла проморгать контрабандное дитя комендантша общежития? Впрочем, Алевтина давно поняла, что Институт так же непредсказуем, как растение со съедобной подземной частью. Ни-

когда не знаешь заранее, что скрывается в глубине.

Алевтина приближается к повороту коридора. За поворотом совершенно темно. Слышно, как там кто-то чиркает зажигалкой. Писклявый плач становится громче. Затаив дыхание в избыточной груди, Алевтина делает осторожный шаг за угол. Она скорее чувствует, чем видит, что во мраке кто-то или что-то неслышно движется.

– Кто здесь?

На её вопрос отвечает стремительный лёгкий топоток. Оно убегает! Что за «оно»? Алевтино наваждение? Алевтина смело бросается в погоню за своим наваждением. Неверное решение. Её широкая ступня, обутая в тапочек, наступает на мягкий живой ком, который с пронзительным мяуканьем шарахается от Алевтины в темноту. Едва сдержав в себе нелепый девчачий визг, Алевтина рычит:

– Леонард! Чтоб ты сдох, мерзкая тварь!

Леонард – здоровенный угольно-чёрный кот, любимец Абстракции Аркадьевны и неисчерпаемый источник шерсти на одежде сотрудников Института – без остатка исчез во мраке. Как и Алевтино наваждение. Больше ничто не нарушает тишину, хрупкую, как хрусталь. Бормоча ругательства, Алевтина возвращается к себе, достаёт из тумбочки начатую коробку зефира. Она один за другим глотает, почти не жуя, приторные шарики, думая о том, что в Институте происходят странные вещи, творится что-то неладное.

Секретарь учебного отдела Таня Храмытских крепко спит. На тумбочке стоит ваза с увядшей ветвью сирени. Над кроватью висит старая ржавая подкова, однажды подобранная на дороге. Говорят, что подкова приносит счастье. Тане Храмытских снится Вадим Красивов. Она давно и безнадежно влюблена в заместителя директора по воспитательной работе, но молодой, энергичный, вечно улыбающийся, как Мона Лиза, Красивов не обращает внимания на бесцветную Таню. Ей, наверное, не помогут даже подковы целого кавалерийского полка.

А ночному сторожу Иванычу ничего не снится. Он неподвижно сидит за коротконогим столом в вестибюле у входа в Институт. Лысая, похожая на череп голова, бледная кожа, запавшие губы, иссечённые складками и морщинами, как у мумии. Маленькие серьёзные глазки с красными веками, словно утонувшие в глазницах, не мигая, глядят в фиолетово-сиреневую дымку за стеклянной дверью. Слева от Иваныча горит настольная лампа. В призрачном синеватом круге света лежит кроссворд – приглашает себя попробовать. Но этот классический сторожевой антураж обманчив. На самом деле Иваныч не любит решать кроссворды. Так же, как и смотреть на солнце.

– Это не город, а траур какой-то, – говорит Русалина, растерянно оглядываясь.

– А ты чего ожидала? В попе бриллиантов нет.

– Фу, Родионов!

Городок к себе действительно не притягивает. Апофеоз серости. Сверху его накрывает низкое пасмурное небо с бандами пепельных голубей. Внизу простираются кварталы одинаковых, как кирпичи, невзрачных домов. В домах и между ними – не улыбочивые люди в спортивных костюмах немарких расцветок. Местный электорат. Слегка оживляет безрадостный пейзаж лишь бетонный забор возле облупленного вокзальчика. Забор украшает яркий плакат. Родионов и Русалина не знают, что при «дорогом Леониде Ильиче» на заборе много лет красовался лозунг с обещанием «Мы построим!», при «Михалсергеиче» его ненадолго сменил «Мы перестроим!», а нынешний лозунг призывает «Мы восстановим!».

Будущие студенты стоят на автобусной остановке. Оказывается, им по дороге. Стремящаяся к знаниям Русалина поступает в тот же Институт, что и Родионов. Родионов рад. Ему нравится эта конопатая девчонка.

Один за другим неторопливые автобусы, раскачиваясь на колдобинах, подползают к остановке, фаршируются пассажирами и отправляются в разные концы города. И ни один

из них не желает отправляться в сторону Института.

– Может, возьмём такси? – предлагает Русалина, которой надоело ждать.

– Ну.

Родионов послушно отправляется к стоянке такси. «Корыто мне, корыто!» Едва он успевает сделать десяток шагов, как к Русалине подкатывает жемчужина российского автопрома – лада-умора цвета мокрого асфальта в комплектации «руль и колеса». Настоящий «паровоз для пацанов» с горным тюнингом: наглухо затонированный кузов опущен до земли, на загудроненные фары наклеены реснички, сзади – стикер «Добро пожаловать в город без дорог!». Дверцы украшает аэрография – яростное пламя. В целом – огонь-машина. Мечта молодого джигита.

Боковое стекло опускается и Русалине из «мечты» остро-зубо щерится сам молодой джигит:

– Запрыгивай, красивая!

Русалина притворяется, что джигит разговаривает не с ней. Она, как бы случайно, поворачивается спиной к огонь-машине. Глаза девушки, словно прожекторы противоздуш-ной обороны, обшаривают бледное небо.

– Эй, тёлка, я тебе говорю! – сердится джигит.

– Эй, школота! А я тебе говорю! Куда тебя понесло со впалой грудью на амбразуру? – зло бросает поспешно вернувшийся на остановку Родионов. – Самостоятельно отвалил отсюда! Это моя девушка!

Джигит меряет взглядом ширину плеч Родионова, пылко произносит что-то гортанно-непонятное и резко газует с места.

– Спасибо, Родионов, – с облегчением произносит Русалина.

– Угу.

– Ну, раз я теперь твоя девушка, я лучше с тобой пойду, – решает Русалина, провожая глазами огонь-машину.

– Кто больше заплатит, того и повезу с песней, а если накинете ещё сотку, молодые люди, то и с собственными припевами! – объявляет вердикт водитель древней криворульной «японки» – последнего таксомотора, оставшегося у вокзальчика. Все остальные (девять штук) уже покинули стоянку. Пассажиров, впрочем, тоже не очень много – Родионов с Русалиной да худенький буйноволосый юноша, обвешенный вещами, как бомж, который всё своё добро таскает с собой.

– А тебе куда? – спрашивает Родионов юношу.

– Улица Героической борьбы, тринадцать.

– В Институт, что ли? Значит, можем поехать вместе, – обрадовано говорит Русалина.

– Вы тоже поступаете?

Русалина кивает.

– Наши люди! – восклицает юноша. – Поехали. И да – я Кирпичонок. Евгений Кирпичонок.

– Я – Русалина, а это Родионов.

– Юху-у-у! – жизнерадостно кричит Кирпичонок при виде Института. – Классическая тюремная архитектура! Во попали!

Действительно, в быстро наступающих сумерках огромный мрачный корпус на фоне лесной чащи внушает трепет. Здание – причудливая смесь древнегреческого и романского стилей пополам с барокко. Чёрный от времени фасад. Многометровой толщины стены, кажется вытесанные из гранита. Монументальные колонны, поддерживающие треугольный козырёк над крыльцом. Изящная с кружевными краями кровля. На карнизе смотрят во все стороны мифологические существа с лапами, клювами и крыльями. Узорчатые окна первого этажа забраны коваными решётками. В глубоких нишах, расположенных между окон, корчатся кариатиды.

– Представляете, ребята, – бурлит энтузиазмом Кирпичонок. – Вот в этом прекрасном месте мы и будем пять лет заниматься поисками собственного «я». Так сказать, расти, усиливаться и наливаться соками.

– Или будем здесь вариться в собственном соку, пока не сваримся, – замечает Русалина. – Отсюда до города пешком не дойдёшь.

В кабинете приёмной комиссии роль приветственного комитета исполняет равнодушная бесцветная женщина с ртутными глазами. Она раскладывает документы трёх абитури-

ентов по картонным папкам и подаёт направления в общежитие.

– Поторопитесь, – бормочет бесцветная женщина. – Комендант закрывает общежитие в одиннадцать.

И вот они, следуя редким указателям, шагают по тёмным сводчатым галереям. Сначала прямо, поворот, ещё один поворот, лестница вверх, снова прямо, поворот, лестница вниз, опять прямо...

– Эти коридоры похожи на круги ада, – жалобно говорит Русалина. – Мальчики, мы не заблудились?

– Наверное, Институт проектировал какой-то сумасшедший архитектор, – пыхтит из-под своих сумок Кирпичонок. – Даже непонятно, сколько в нём этажей.

Наконец, перед ними появляется ободранная железная дверь. На двери неровно намалёвано красное слово «общежитие».

– Кажется, добрались, – произносит Кирпичонок. – Добро пожаловать в светлое будущее!

Родионов с трудом открывает чудовищно тугую дверь, все входят. За дверью никого нет. На стойке дежурной табличка предупреждает: «Забудь о курении!»

– Ну и где тут логика? Как можно забыть о курении, если эта табличка всё время напоминает? – вслух удивляется Кирпичонок.

Из-под стойки выныривает круглый, как фрикаделька, горбоносый мужчина. В руке он держит шариковую ручку.

– Вы кто такие, молодёжь? Новая абитура?

Абитура дружно вздрагивает от неожиданности. С плеча Кирпичонка соскальзывает на пол одна из сумок.

– Да, мы приехали сдавать экзамены. А вы кто? – любопытничает Кирпичонок.

– Я – завхоз Баблюян. Гдэ ваши направлэния, молодёжь?

Внимательно прочитав направления, Баблюян обращается к ребятам:

– Значит, так. Парнэй я могу посэлить вмэсте. Сэдьмая комната ещё свободна.

– А меня куда, дяденька? – задаёт вопрос Русалина.

– Я тэбе нэ дядэнька, стрэкоза. Для тэбя я – «товарищ Баблюян», – поправляет мужчина.

– Так где же мне жить, товарищ Баблюян? – повторяет вопрос Русалина.

– Я тэбя, стрэкоза, пожалуй, опрэдэлю во вторую комнату к Конэводовой. Как раз там одно койко-мэсто свободно.

– Где эта вторая комната? – опять спрашивает Русалина.

– Нэ торопись, стрэкоза. Сначала я каждому из вас выдам ключи и комплэкт спальных принадлежностей: матрас, простыню, подушку, одэяло, пододеяльник, наволочку, полотэнце. Учтите, постэльное бэлье у нас мэняют раз в нэдэлю.

Пока Русалина, Родионов и Кирпичонок получают всё перечисленное, словоохотливый завхоз болтает, не переставая:

– Общежитие вам понравится, молодёжь. Оно разделэно на женский и мужской блоки. Есть ещё блок для аспирантов

и преподаватэлей. Чур, по ночам в женский блок нэ бэгать! Это вас, парни, касается.

– А что, бегают? – лыбится Кирпичонок.

– Неделю назад застали одну парочку нэпосрэдственно в до-мажоре, ну и дирэктор Института стёр их в порошок. Утром обоих здэсь уже нэ было. И чего добились? В наше врэмья бэз диплома только в подзэмном пэрэходе попрошайничать.

Баблюян сурово сверлит глазками Кирпичонка и Родионова.

– Ладно, проехали, молодёжь. В каждом блоке по четыре туалэтные комнаты, по двэ умывальные комнаты и душевые комнаты. В студэнческих комнатах проживают по два чело-вэка. В комнатах есть холодильники и тэлэвизоры. Даже интэрнэт-розетки. Учтите, за порядком сами будэте слэдить.

– А как у вас здэсь с питанием, товарищ Баблюян? – интересуется Кирпичонок.

– Продукты можно купить у мэня. Говорите, что вам надо и я привэзу из города. В каждом блоке есть кухня в столовом помещении. В кухне элэктрыческая плита, микроволновка, аппарат для очистки воды с горячей и холодной водой. Кухни открыты круглосуточно. Учтите, уборку кухонь проводите сами в соответствии с графиком дэжурств.

Русалина спрашивает, с недоверием разглядывая желтоватую наволочку:

– А постираться?

– Этажом ниже в подвале находятся две прачечные: мужская и женская. В них установлены четыре стиральные машины. Стирать бельё можно круглосуточно. Если понадобится утюг или гладильная доска, то обращайтесь к Золужке.

– Это кто?

– Комэндант. Утром познакомитесь.

Комната номер семь оборудована настенной вешалкой, двумя узкими кроватями, двумя прикроватными тумбочками, обеденным столом, тремя стульями, шкафом для одежды, холодильником, телевизором и репродукцией картины Гавриила Горелова «Ленин и мальчики». Не так уж мало. Жаль, что нет вентилятора. В комнате душно.

Родионов бросает на синюю железную сетку кровати тонкий матрас, убитый, словно на нём спал слон. Кирпичонок прилежно застилает свою кровать. Закончив, он с удовлетворением констатирует:

– Аскетическое ложе абитуриента к применению готово!

Он придирчиво оглядывает результат своих трудов и добавляет:

– Вообще-то оно не так ужасно, если присмотреться повнимательнее.

Потом Кирпичонок обращается к Родионову, который принимается раздеваться:

– Ты разве не будешь ужинать?

– Не хочется что-то. Ешь без меня.

– Тогда я тоже не буду. И да – я ведь веган. А первое правило веганства гласит: ешь только тогда, когда есть аппетит.

Кирпичонек выключает свет в комнате и ложится. Искрившись в горячих липучих простынях, он решается снова заговорить:

– Ты знаешь, Родионов, что некоторые учёные считают обшежитие паноптиконом?

– Что такое паноптикон?

– Это идеальная тюрьма, в которой один стражник может видеть одновременно всех заключённых. Арестанты не знают, за кем стражник наблюдает именно в этот момент, поэтому каждый думает, что он находится под постоянным контролем. Их самооценка садится на шпагат и, таким образом, в этой идеальной тюрьме заключённые превращаются в идеальных арестантов. Круто?

– Ну и что общего у общаги с паноптиконом?

– Тебе перечислить? Отсутствие личного пространства, невозможность полностью распоряжаться своим временем, принудительное общение с соседями и руководством, знание личной жизни соседей.

– И что из этого следует?

– Следует то, что здесь мы не принадлежим самим себе.

Родионов отворачивается к стенке, буркнув:

– Не умничай, Жека. Лучше спи.

– Поверь, это сумеречная зона, Родионов. Здесь у нас есть шанс заглянуть в пропасть.

Родионов игнорирует слова Кирпичонка. Несмотря на духоту, он сразу проваливается в сон.

Русалина лежит в жаркой сонной мгле с открытыми глазами. Она слушает, как ветки стучат в окно, и представляет себе худое лицо Родионова. Какой симпатичный мальчик! Скромный, молчаливый, но очень милый. Высокий, сильный. Глаза глубокого синего цвета, резкие, мужественные черты. А шрам на щеке его нисколечко не портит!

2

Комендант общежития Золужка похожа на противное распухшее насекомое. Муха не муха, жук не жук, таракан не таракан. Что-то среднее. В общем, гладкое овальное тело без талии, короткие кривые ножки, непрерывнодвигающиеся ручки. Над ушами торчат, как антенны, два неровных песочного цвета хвоста, перетянутые розовыми резинками. У Золужки и голос под стать жучиной внешности: жужжащий. На сплющенной груди белеет бейджик «Съедобина Анна Альбертовна». Золужка проводит жизнь за стойкой дежурной в неодобрительном созерцании окружающей среды. Её миссия на этом свете – отравлять студентам каждый день, проведённый в Институте.

– Летом в общежитии живут только абитуриенты, – монотонно жужжит Золужка Родионову. – За месяц пройдёте подготовительные курсы. Потом будете сдавать вступительные экзамены. Ну, а кому сдать не суждено – идите, дороги делайте. По нашим дорогам только на луноходах ездить.

Родионов молча кивает. Стоя перед Золужкой, он уныло разглядывает табличку «Забудь о курении!» Умаявшийся вчера Кирпичонок ещё спит. Родионову было жаль его будить, поэтому он оставил соседа по комнате задыхаться под шерстяным одеялом, а сам отправился бродить по Институту. Но добрёл только до Золужки. Та присосалась к нему, как

пылесос к занавеске.

– Курить можно исключительно на улице, молодой человек, – враждебно замечает Золужка, поймав взгляд Родионова на табличку. – Относись к этому правилу с пониманием.

– Я отношусь, – говорит Родионов. Он не курит. В армейке пробовал с пацанами, но не втянулся как-то.

– В библиотеке есть помещение для самостоятельных занятий.

– Я мало читаю. Только то, что нужно по программе.

Не обращая внимания на слова Родионова, Золужка жужжит своё:

– На первом этаже находится тренажёрный зал. Рядом с ним – комната с настольным теннисом. На территории есть спортплощадка.

– Я не увлекаюсь играми на свежем воздухе.

– Тогда можешь отдыхать в холле на первом этаже. Там имеется мягкая мебель, большой телевизор и пальмы в горшках.

– Отдохну.

Родионов делает усталое лицо, но Золужка продолжает жужжать:

– Общежитие открыто с восьми утра до одиннадцати вечера. Гостей можно приводить с трех до десяти, но только проведать. На ночь оставлять ни-ни!

– Да знаю я, Анна Альбертовна. Нам вчера товарищ Баблюян всё рассказал.

Золужка впивается в Родионова круглыми матовыми глазами.

– И вот ещё что, молодой человек. Ты крещёный? В церковь ходишь?

– Да нет. Я в православие и прочее вуду не верю.

– Ну и дурак!

– Сбежал из плена? Мы слышали, как Золужка тебе втирала.

Из глубин кресла Родионову с иронией подмигивает потрёпанный парнишка. Его долговязый друг с серой мучнистой кожей рассеяно наблюдает за тем, как на экране телевизора мышонок Джерри азартно занимается избиением кота Тома. Кроме троих абитуриентов, под высоким сводом холла больше никого нет.

– Вы кто, пацаны?

– Я Обморок, а это Авогадро, а ты Родионов, мы знаем, кароч.

– Почему «Обморок»?

Парнишка произносит с важным видом:

– Я страдаю лунатизмом.

– Это что ещё за хрень?

– Хожу во сне. Потом ничего не помню, как будто был в обмороке. Это меня Авогадро так прозвал.

– А почему «Авогадро»?

– Этот debil химией увлекается. Ну, ты понимаешь?

Авогадро вяло кивает. Он вообще вялый и безразличный. И кажется грязным, как будто перестал мыться лет десять назад.

– Какой химией?

– Аптечной. Феназепам, реланиум, реладорм и всё такое же вкусное.

– Ты бы помолчал хоть пять сек, Обморок, – подаёт голос Авогадро. Голос у него тоже вялый.

– А ты чем увлекаешься? – спрашивает Родионов Обморочка.

– Этот debil – нюхач, – утомлённо шепчет Авогадро. – Он в основном клей факает.

– А как же здоровье, пацаны?

– Да фиг с ним, со здоровьем! – восклицает Обморок. – Ты не представляешь себе, Родионов, как это круто!

– Что круто?

– Это же настоящий космос! Недавно я в подъезде нюхал «Момент». Нюхал до тех пор, пока со мной не заговорил почтовый ящик. Он открыл дверку и любезно пригласил меня к себе. Я вошёл в него, а там такое!

– Ну?

– Я оказался в добром мире, где мне все улыбались. Каждый цветок, листик, травинка. Все-все мне там улыбались. Просили, чтобы я с ними остался. И моя жизнь была бы простой и хорошей.

– Ну и остался бы в почтовом ящике, – хмуро замечает

Авогадро.

Обморок с сожалением качает головой:

– Я не мог, мне ещё диплом нужно получить, а то мамка будет расстраиваться.

– Так чем дело с почтовым ящиком-то кончилось? – спрашивает Родионов.

– Сначала я был спокоен и счастлив, но вдруг меня охватила паника. Это же вообще ни хрена не мой мир! Что же я наделал? Как мне вернуться? Вот такая уникальная измена пришла. Никогда не забуду.

– Вот-вот, – равнодушно шепчет Авогадро.

– И что ты сделал?

– Стал топтать ногами, бить себя по морде, и добрый мир растаял на глазах. Я опять очутился в обоссаном подъезде. Поверь, Родионов, факать – это чудовищно круто! Это в тысячу раз лучше, чем онанизм. Оргазм у тебя три секунды, а токсические галюны целый час. Сопоставь.

– А мозги? Говорят, от клея клетки мозга отмирают.

– Без этого ущерба, конечно, никуда, но оно того стоит, кароч.

Жаркий полдень. Отгородившись плотными шторами от зноя, Машка Коневодова, Русалина, Галя Кукукина и Баха пьют чай. Машка – широколицая, ширококостная, громогласная брюнетка – достала вишневое варенье. Баха принесла казахское печенье с маком, Галя пришла с Бошариком –

шарообразной плюшевой рыбозвероптицей неопределённого цвета, из которой торчат две длинные конечности. Со своим единственным настоящим другом и удобной подушечкой под попу. Кукукина же маленькая, как дочка гнома. Вечные пятнадцать лет.

– Сама стряпала? – спрашивает Баху Машка, хрустя печенькой.

– Вместе с мамой. Дома ещё, – улыбается полненькая живая Баха. Вообще-то она Бахыт. Бахыт Сарсенбаева.

– Вкусные. Я люблю с маком. Дашь мне рецепт?

– Хорошо, что об этом печенье долбонавты не знают, – замечает Галя, устраиваясь на Бошарике, чтобы быть повыше.

– Что за долбонавты? – интересуется Русалина.

– А ты не в курсе?

– Я же только вчера приехала.

Кукукина морщится:

– Есть у нас тут двое слабоодарённых: Авогадро и Обморок. Слышали, девочки, как Авогадро разговаривает? «Лучше бы ани эта таво, эт самая, а то как-то не таво, чёт». На них обоих без слёз не взглянешь. Гумус! Правда, ведь, Бошарик?

Галя ёрзает на плюшевом друге. Баха удивляется:

– А они-то зачем сюда припёрлись? Неужели думают, что смогут покорить вершины знаний?

– Мама мия! Ничего ты не понимаешь в жизни, подруга, – говорит Машка. – Вот как раз эти слабоодарённые Обморок с Авогадро в Институт точно поступят.

– Как так? – таращит узкие глаза Баха.

– Потому, что у их родителей лялярд денег. Бизнес-класс!

– Вот ты где! – радостно кричит Родионову Кирпичонок, заглядывая в холл. – А я ношусь по Институту, как шар по бильярду, – ищу тебя. Не высшее учебное заведение, а какой-то лабиринт Минотавра! Запросто можно потеряться.

Кирпичонок проваливается в свободное кресло. Его буйные волосы торчат в разные стороны, как у сумасшедшего профессора.

– Уф, выдохся!

Тем не менее он энергично трясёт апатичные ладони Обморока и Авогадро.

– Кирпичонок. Евгений Кирпичонок.

Авогадро берёт пульт от телевизора и начинает переключать каналы.

– Что ты делаешь? – недовольно произносит Обморок. – Пускай бы американское мочилово шло.

– Баловство для детского садика. Я лучше музыку поищу.

– Авогадро у нас известный меломан, – хихикает Обморок. – Похаивает феназепамчика и включает «Пикник». Сидит, тащится.

– Сейчас все ведутся на австрийскую биксу с бородой, а я за старый добрый советский рок, – невнятно шепчет Авогадро, не отрывая мутных глаз от экрана.

– На ТВ ты «Пикник» не найдёшь, – замечает Кирпичо-

нок. – Сейчас всю эстраду голубые заполонили.

– Давайте лучше о шмали, пацаны, – понижает голос Обморок. – Я бы покурил, а нету. Как вы считаете, в Институте можно достать приличную шмаль?

– Я думаю, что у товарища Баблюяна за деньги можно достать всё, – улыбается Кирпичонок.

– А есть что-нибудь, что у Баблюяна невозможно достать?

– Что нэ можно за дэньги, можно за рэальные дэньги.

– С «бабками» у нас неважно, – огорчается Обморок. – Родаки гнетут не по-детски. Мамка мне сказала: «Не будешь учиться, будешь на папкином заводе батареи коричневой краской красить», кароч.

– А я сейчас в общаге такую красотку видел! – меняет направление разговора Кирпичонок. – Вот бы познакомиться поближе. Уроки можно будет вместе делать.

Отвлёкшись на минутку от возни с телевизором, Авогадро пренебрежительно бросает:

– Не стоит заморачиваться, братан. Не играй с этой идеей. Ни одна пипетка тебя ничему хорошему не научит. У этих тёлочек один секс на уме!

Машка Коневодова внезапно гаркает:

– Кукукина, не звени так ложечкой! Бесишь.

Галя сконфуженно выгребает ложку из стакана.

– Извините, девочки, привычка. Ничего не могу с собой поделать. Звон ложечки в стакане с чаем меня успокаивает.

– А ты что? Сильно волнуешься? – хохочет Машка. – Ну-ка, колись, подруга! Из-за кого ты так адреналинишь?

Галя куксится:

– Да из-за кого тут адреналинить? Не пацаны, а уроды корявые. Один другого веселее. Может, кто завтра подьедет?

Кукукина с укоризной смотрит на остальных, как будто они несут ответственность за существование корявых уродов.

– Ну, почему уроды? – не соглашается Баха. – Есть и нормальные парни.

– Например, кто?

– Вчера двое заселились. Одного Женькой зовут, как другого не знаю. Он – такой синеглазый, сдержанный.

– Это Родионов. Мы с ним вместе в поезде ехали, – говорит Русалина.

– Я их видела в коридоре, – кивает Машка. – Родионов интересный. Женька тоже ничего, но видно, что ещё совсем ребёнок. На голове, словно куст сорняка и шея немытая.

– Да ну вас, девчонки! – сердито вскрикивает Кукукина. – Тоже мне нашли тему. Пацаны! У этих придурков один секс на уме!

* * *

Чернокнижник с удовольствием закуривает душистую кубинскую сигару. Сейчас везде одна химия, как будто пищу

синтезируют в лабораториях. Сплошные ГМО и Е-добавки. Только кубинским сигарам ещё можно доверять. Спасибо Фиделю, что удерживает Кубу в прошлом столетии.

Чернокнижник нежно поглаживает тугую скрутку из коричневых листьев. Своей привычкой к сигарам, он заразил многих в Институте. Каждый день кто-нибудь из преподавателей заходит и просит закурить. А ему не жалко. Пусть втягиваются глубже. Никотиновая зависимость – это ещё одна кнопка. Чем больше таких кнопок, тем легче манипулировать людишками.

Пуская к потолку аккуратные колечки дыма, Чернокнижник думает о том, что всё складывается вполне удачно. Идея себя оправдывает. Пороки! Человеческие пороки! Проявление Зла в людях в виде их негативных желаний и привычек. Пороки поселяются там, где люди не различают Добро и Зло, Свет и Тьму и не задумываются о последствиях своих поступков.

Чернокнижник довольно усмехается. Самое отрадное то, что большинство людишек полагает, будто пороки невозможно искоренить, хотя они и губят этих идиотов. Пороки разрушают их духовно и физически, поработают душу и тело. Вот и становятся эти жалкие создания рабами своих пороков только для того, чтобы быстро или медленно погибнуть. Если ты идёшь от Света, значит, ты идёшь во Тьму, во мрак преисподней. А безумству храбрых – венки со скидкой!

Душная майская ночь. Пронзительная тишина. Серебряная луна стыдливо закрывается тучами и лишь время от времени посылает на землю лучи прозрачного света. Игра этого неверного света всё переворачивает с ног на голову, путает. Но обманываться некому. Все спят.

Машка Коневодова улыбается во сне. Ей снится, что она выбрана старостой группы. В её запланированной карьерной лестнице – это первая ступень.

Бахе снится родной дом в казахстанских степях. Мама, добродушно ворча, печёт печенье.

Маленькая Галя Кукукина спит, обняв Бошарика. Ей снится, что Бошарик обзавёлся другой хозяйкой. Абсурд, но Галя всхлипывает и крепче прижимает к себе плюшевый шар.

Кирпичонок разметался на скомканной простыне во все стороны. Одеяло валяется под кроватью. На щеках юноши горит лихорадочный румянец, мокрые от пота волосы, прилипли к голове, перед внутренним взором безостановочно крутится калейдоскоп лиц, слов, событий.

Обмороку и Авогадро ничего не снится. Им и наяву хватает видений.

Алевтина грезит, что теперь она прекрасна до слёз. Боль-

ше не существует её неукротимой женственности, воплощённой в могучем теле. Исчезла неподвластная изящному флирту неуклюжая устроительница семейного очага, даже секс с которой ассоциируется с заливкой фундамента или настилкой полов. Отныне новая Алевтина – кокетка с точёной фигуркой балерины, личиком белокурого ангела и характером Снегурочки. Лишь глаза у новой Алевтины прежние – сине-стальные.

Хорошо бы стать частью пары. Например, пары Алевтина и Айвенго.

«Господи, скажи, когда я выйду замуж?» – с мольбой обращается новая Алевтина к небу. Небо отвечает ей грубым басом: – «Да куда тебе-то замуж?»

Ну, вот и всё.

Алевтина выныривает из грёз. В постели мокро, как в детстве, даже ещё мокрее. В комнате жарко, словно в жерле вулкана и темно, как у негра в... Нет, это не политкорректно. Причём здесь негры? В том месте у всех темно. В общем, мокро, жарко, темно и выводит из себя тоненький детский плач, доносящийся из коридора.

Родионову не снится прошлое. Он его просто не помнит. Родионову снится Институт. Институт кишит удушливыми страхами. Страхы дымными струйками выплывают из окон и обволакивают мрачное здание, превращая его в Зону Тьмы. Вдруг у Родионова холодеет и чешется шрам на щеке.

– Хррр-ха!

– Это вы, товарищ прапорщик?

– Ну, а кто же?

Родионов открывает глаза. На краю его постели горбится знакомая фигура. Родионов не понимает – он всё ещё спит или уже проснулся?

– Запомни, воин, – предостерегает Усатый Прапор. – Сейчас ты живёшь взаймы. Исполни свой долг. И торопись, у тебя мало времени. Не позволяй себя обмануть. Закрепил в голове?

– Пойдите, товарищ прапорщик! Что я должен исполнить? Какой долг?

Но Усатый Прапор исчезает. Родионов закрывает глаза. Как ни странно на душе у него становится спокойно. Он чувствует, что покидает Зону Тьмы и куда-то летит. В Зону Света?

Русалина сейчас тоже летит во сне. Ей так чудесно, что она даже забывает дышать. Русалине почему-то очень хочется, чтобы там, в конце волшебного полёта, её ждал немногословный синеглазый парень.

Справка

Поминовение преставившегося в третий день после смерти совершается в честь тридневного воскресения Сына Бо-

жьего и во образ Пресвятой Троицы. Первые два дня душа усопшего ещё находится на земле, проходя вместе с сопровождающим её Ангелом по тем местам, которые притягивают её воспоминаниями земных радостей и горестей, злых и добрых дел. Душа, любящая тело, скитается иногда около дома, в котором положено тело, и таким образом проводит два дня как птица, ищущая себе гнезда. Добродетельная же душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение творить правду. В третий день Господь повелевает душе вознестись на Небеса, чтобы предстать пред лицом Правосудного.

Часть вторая. Девятины

*Се, гряду скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы
воздать каждому по делам его.*

Откровение святого Иоанна Богослова 22:12

3

Понедельник. Раннее утро.

Под бодрую песенку Глюкозы, громом разносящуюся по всему Институту, стадо будущих студентов понуро тянется в актовый зал. Загустевшая кровь с трудом струится по венам. Хотя солнце едва показало над лесом свой золотой краешек, воздух уже нагрелся.

«Айн, цвай, драй, шике-шике швейне! Айн, цвай, драй, шике-шике швейне!» – с силой урагана гремит из колонок. – «Раз, два, три, прекрасные-прекрасные свиньи! Раз, два, три, прекрасные-прекрасные свиньи!»

– Ой, моя бедная головушка! Лучше бы «Королевство кривых» «Пикника» включили, – страдальчески морщится Авогадро.

– От «Пикника» ты хуже, чем от Глюкозы, поплывёшь, – замечает Обморок. – В качестве противоядия я бы тебе порекомендовал старое доброе «Русское поле».

Огромные, от пола до потолка, окна актового зала закрыты пластинами вертикальных жалюзи, поэтому в обширном помещении стоит прохладный полумрак. Места для студентов крутым полукругом сбегают к центру зала, где возвышается кафедра, украшенная вазой с непахнущим букетом камелий и графином с водой. У подножия кафедры развалился большой угольно-чёрный кот с разноцветными глазами. У него настолько независимый вид, что никому не приходит в голову подойти и погладить зверюгу. Кот зажмурит то зелёный глаз, то голубой, словно проверяет кривизну пространства. Вся центральная композиция празднично освещена светодиодными лампами.

Под глюкозий бравурный аккомпанемент абитуриенты занимают первый ярус. Родионов садится между Кирпичонком, который жуёт яблоко – завтрак вегана! – и Авогадро с Обмороком; оглядывает зал. Их не так уж много – психов, собравшихся спозаранку в тёмном зале, вместо того, чтобы беззаботно загорать на берегу водоёма – шесть девушек и шесть юношей. Девчонки уселись отдельно и трещат теперь, как сороки. Наверное, это от волнения. Родионов переводит взгляд на парней. Он замечает два новых лица. На одном, с несговорчиво торчащим подбородком, буквально вырублено кредо: «Убью на хрен!» Родионов невольно усмехается: «Уж больно ты грозен, как я погляжу». И неважно, что росточком грозный молодой человек под стать Гале Кукукиной – такой же миниатюрный. Он чем-то похож на вредную букашку: ма-

ленький, круглый, как напившийся крови клоп. Редкие усики. На коротких ножках летние туфли с очень толстыми подошвами. На левой руке надета чёрная перчатка.

Другое лицо... Вах! Да это же молодой острозубый джигит из наглухо затонированного «паровоза для пацанов». Джигит злобно сверкает белками глаз на Родионова. Значит, тоже узнал.

У девушек своё пополнение. Возле Русалины притулилась клочковато стриженная брюнетка. Очки в неудачной оправе делают её похожей на глубоководную тварь. Длинная косая чёлка достаёт брюнетке до кончика носа, и она постоянно сдувает чёлку в сторону. Несмотря на жару, новенькая одета в чёрную футболку с длинными рукавами и пораженческой надписью «Мы все умрём». Русалина что-то толковывает брюнетке. В ответ та улыбается улыбкой грустной собачки, которую никто не любит.

Немного особняком от остальных девушек сидит красивая голубоглазая блондинка. На ней надет вызывающе узкий топ. В обнажённом загорелом пупке поблескивает серебряный шарик. В пухлую нижнюю губку вдет другой шарик. На предплечье сделана цветная татуировка – замысловатый узор. В ушах – золотые серёжки с жемчугом. В общем, яркая девица в своём самодостаточном мире. Задрав ровный носик, блондинка высокомерно смотрит вверх голов. Существ размером меньше верблюда она не замечает.

– Жека, ты не знаешь, кто эта выпендрёжница? – спраши-

вает Родионов у Кирпичонка, показывая на холодную красавицу.

– Занимай очередь за мной, – волнуется Кирпичонок. – Я про эту самую красотку вам вчера и говорил.

– Этот кусочек совершенства зовут Инга Карибская. Она – счастливая обладательница самой красивой попы нашего городского гетто, – информирует Обморок. – Мы с Авогадро с ней в одной школе учились. Но учтите, пацаны, Инга колючая, как шипастая морская звезда. Будьте бдительны, кароч.

В актовЫй зал входит седьмая девушка – высокая, измождённая, с лицом цвета исчезающего синяка, полузакрытым непроницаемыми тёмными очками, с толстой белой тростью в руках, в безобразном хлопчатобумажном платье-мешке и пластмассовых сандалиях. Кажется, что при сильном ветре она могла бы парить над лесом. Девушка, обстукивая тростью дорогу перед собой, медленно спускается по лестнице к первому ряду. Русалина вскакивает со своего места и помогает слепой сесть. Девчонки прекращают стрекотать и, выворачивая шеи, откровенно разглядывают новенькую, благо, что она не видит направленные на неё любопытные взоры.

Наконец, утомлённые колонки смолкают и, в лучах света возле кафедры появляются трое: элегантно одетый высоченный старик – острые мефистофельские черты лица, снежно-белые волосы до плеч, старомодные длинные пальцы. Ему бы подошёл перстень с печаткой, чтобы запечатывать письма сургучом. Старика с двух сторон, как столбы,

поддерживают строгая рыжеволосая дама с излишне ярко накрашенным ртом и симпатичный мужчина.

– Посмотрите-ка на того мужика, пацаны. Знаю я таких додиков: костюмчик в облипочку, парфюм с цветочным ароматом, маникюр. Видок, отчётливо говорящий, – пидор! – тревожно шепчет Обморок.

– Что ты сеешь панику раньше времени? – бормочет Авогадро. – Может, ещё и не пидор.

Потряся головой, словно попробовав вытряхнуть из неё Глюкозу, старик произносит утомлённо-аристократическим тоном:

– Доброе утро, мои юные коллеги. Добро пожаловать в будущее! Сначала несколько вступительных слов. Позвольте представиться. Меня зовут Аристарх Аристархович Велизарский. Я – директор Института, доктор юридических наук, профессор. Справа от меня, как и положено, находится моя правая рука – Абстракция Аркадьевна. Абстракция Аркадьевна – заместитель директора по учебной и научной деятельности. Она руководит учебным отделом. Слева – мой заместитель по воспитательной работе Вадим Анатольевич Красивов. Он руководит только собой.

В зале раздаются смешки. Выражение изысканной скуки на лице Велизарского, которое он культивирует с тех пор как стал директором, сменяет снисходительная улыбка.

– Давайте, коллеги, проведём короткую переключку. Абстракция Аркадьевна, пожалуйста.

Рыжеволосая дама выступает вперёд со списком абитуриентов и деловито принимается зачитывать фамилии:

– Белозёров Леонид.

Обморок поднимает руку.

– Присутствует, кароч!

– Калбанова Русалина.

– Здесь.

– Карибская Инга.

– Здесь.

– Кирпичонок Евгений.

– Я!

– Коневодова Мария.

– Здесь!

– Кукукина Галина.

– Я!

– Марамзоев Рустам.

Джигит неохотно говорит:

– Тут я.

– Пискулина Алина.

Брюнетка в футболке «Мы все умрём» вздыхает:

– Тоже тут.

– Родионов Андрей.

– Я!

– Сарсенбаева Бахыт.

– Я!

– Соловых Михаил.

Авогадро индифферентно шепчет:

– Ну, а где же мне ещё быть?

– Съедобин Денис.

Грозный букашка рывкает:

– Здесь!

– Тростянская Елизавета.

Слепая девушка торопливо произносит:

– Я здесь! Тростянская здесь!

Абстракция Аркадьевна делает шаг назад. Велизарский дружелюбно продолжает:

– Ну, что же, мои юные коллеги. Все в наличии. Я поздравляю вас с началом занятий на подготовительных курсах. Жить вы все будете в общежитии. Даже местные. Это обязательное условие. Надеюсь, в нашем уютном общежитии ничто не будет отвлекать вас от занятий. Через месяц те из вас, кто успешно пройдёт подготовку на курсах, будут допущены до сдачи выпускных экзаменов. Выпускные экзамены на подготовительных курсах приравниваются к вступительным в Институт.

– А сколько баллов необходимо набрать, чтобы поступить на бюджет? – выкрикивает с места Кирпичонок.

Велизарский смотрит на него с таким удивлением, будто увидел инопланетянина. Вместо директора отвечает Абстракция Аркадьевна:

– Не менее четырнадцати баллов. Вы сдаёте три экзамена: пишете сочинение, затем иностранный язык и, наконец, ос-

новы права.

– Это значит, две пятёрки и четвёрка? – опять кричит Кирпичонок.

– Вы совершенно правы, мой юный бесцеремонный коллега, – придя в себя, величественно кивает Велизарский. Зато Абстракция Аркадьевна глядит на Кирпичонка как на что-то прилипшее к подошве. Тот в растерянности чешет свои буйные вихры. У многих ребят вытягиваются лица. Велизарский заканчивает свою речь:

– Итак, учёба начинается прямо сегодня. Сейчас Абстракция Аркадьевна проводит вас в аудиторию, в которой вы будете заниматься. С преподавателями познакомитесь на лекциях. Ну, в добрый путь, мои юные коллеги! А глупым слухам не верьте!

– Внимание, молодые люди! Занимайте места по схеме «девочка-мальчик, девочка-мальчик», – командует Абстракция Аркадьевна в аудитории.

Абитуриенты медленно рассаживаются, неуверенно поглядывая друг на друга. Обморок первым приземляется возле Лизы Тростянской. За ними садятся расслабленный Авогадро с унылой Пискулиной. Кирпичонок без спроса плюхается рядом с Ингой Карибской. На его лице трепещет восторг пополам с ужасом. Гордая красавица демонстративно отворачивается от нахала. Марамзоев и Баха занимают места за их спинами. Маленькая Галя Кукукина, поколебав-

шись, садится к свирепому коротышке Съедобину.

Родионов замирает в нерешительности. С разных концов аудитории ему улыбаются Русалина и Машка Коневодова. Кого же из них выбрать? Повинуясь первому импульсу, Родионов устраивается возле Русалины. Машка остаётся в одиночестве. Глядя на сокурсников, она с насмешкой тихонько напевает: «Все подружки по па-арам...»

– Запомните, молодые люди, кто с кем сидит, – произносит Абстракция Аркадьевна. – Так вы будете сидеть до конца курсов. А сейчас вам нужно выбрать старосту группы.

Все опять начинают оглядываться. Молчат.

– Ну, давайте скорее, молодые люди, – торопит Абстракция Аркадьевна. – Предлагайте кандидатуру.

Поймав взгляд Кукукиной, Машка сигналил ей всем лицом.

– Может, Коневодову? – робко говорит Галя.

Все облегчённо выдыхают: «Правильно! Коневодову! Машку, кароч!»

– Как вы, Коневодова? Согласны быть старостой группы? – сухо спрашивает Абстракция Аркадьевна зардевшуюся Машку. Вопрос, конечно, риторический.

– Ну, если ребята настаивают, я не против.

Не теряя времени, Абстракция Аркадьевна чеканит:

– Кто за то, чтобы Марию Коневодову избрать старостой группы, поднимите руки! Единогласно. Поздравляю, Коневодова. Теперь вы староста. После лекций зайдите ко мне в

учебный отдел, я вам расскажу, что делать.

Машка скромно опускает сияющие глаза.

– Как скажете, Абстракция Аркадьевна.

Цокая каблуками, как лошадь подковами, руководительница учебного отдела покидает аудиторию. «Ведите себя тихо, молодые люди! Через минуту к вам придёт лектор». Пока никто из преподавателей не вонзил в них зубы, ребята встают с мест, чтобы размяться. Словно спасая свою жизнь, девушки дружно бегут в туалет – слабому полу, как обычно, приспичило. Русалина с Машкой Коневодовой берут на буксир Лизу Тростянскую. Следом за девушками выходят Марамзоев с борсеткой необычного чайно-зелёного цвета подмышкой и Денис Съедобин с сигаретой в углу рта. Кирпичонок подходит к Родионову.

– Что это за ёкарный бабай? – спрашивает он, показывая взглядом на спину Марамзоева. – Он на тебя смотрел, как веган на сало.

– Так, шняга. Пересеклись вчера случайно на вокзале. Лучше скажи, Жека, о каких слухах говорил директор Института?

Кирпичонок усмехается:

– Которым мы не должны верить?

– Ну.

Кирпичонок заговорщицки понижает голос:

– Есть инсайдерская информация о том, что в Институте

пропадают абитуриенты. На прошлой неделе пропали двое.

– И куда же они делись?

– Никто не знает. Может, их того – на органы заколбасили?

– Ужастиков насмотрелся? – недовольно говорит Родионов. – Наверняка эти ребята просто бросили учёбу и уехали домой. В общем, они от жизни своё получают в другом месте.

– Ты определённо прав и да – не стоит бить тревогу, – соглашается Кирпичонок. Ему не хочется спорить при такой высокой температуре.

– Мама мия! Две пятёрки и одна четвёрка! В глухой провинции! Это просто за гранью! – восклицает Машка Коневодова, первой вернувшаяся из туалета. – Вот так проведёшь всю молодость за партой, а в оконцовке получишь диплом шараги!

– Ага, диплом конюха с правами кучера, – подхватывает Обморок. – В моём школьном аттестате по английскому стоит твёрдая «параша», а из литры я помню только, что Чацкий – это настоящий олень, кароч!

– Вот для того, чтобы ты, дебил, как следует подготовился к экзаменам, родаки и сослали тебя на подготовительные курсы, – равнодушно замечает Авогадро.

Русалине неинтересно с девчонками, которые в туалете погружаются в женские сплетни: мальчишки, лишний вес, жир

на бёдрах, целлюлит на ягодицах, мальчики, мытьё головы, обалденные тени для век, мальчики и как не залететь. Русалина курит на институтском крыльце, защищённом от солнца козырьком, и думает о Родионове. Когда она представляет себе синеглазого парня, сердце в её груди превращается в тёплую звёздочку. Если называть вещи своими именами, то она влюбилась. Русалина счастливо улыбается. Есть от чего – целый месяц они будут сидеть вместе.

– Ты над кем смеёшься, симпампулька? Надо мной смеёшься? – с подозрением спрашивает Денис Съедобин. Он и джигит Марамзоев стоят рядом с крыльцом на самом солнцепёке и с солидным видом смолят дешёвые сигареты. Моральные уроды группы. Пот градом течёт по круглой физиономии Съедобина, капая с усиков на рубашку. Марамзоев бурит Русалину глазами-черносливами. Или пока только раздевает.

Русалина не обращает внимания на выпад грозного букашки. Она отвечает вопросом на вопрос:

– Слушай, Денис. Комендантша общаги Анна Альбертовна Съедобина – это твоя мама?

Кредо «Убью на хрен» на лице Съедобина заменяется неожиданным смущением.

– Золужка-то? Ну, в общем, да, а что?

«Вы похожи», – хочет сказать Русалина, но сдерживается. Вряд ли Съедобину польстит такое сравнение. Впрочем, это дело привычки. Если прожить восемнадцать лет на необита-

емом острове вместе, например, с Всадником Без Головы, то, наверное, будешь думать, что весь мир населён всадниками без головы.

– Ничего.

Русалина отворачивается от моральных уродов, смотрит на близкий лес. Сосны, качая ветками, негромко шумят, словно зовут: «иди к нам, иди к нам».

– Добрый день, товарищи курсанты! – зычно приветствует ребят рослый пожилой мужик с прямой спиной военного. Мужик строевой поступью достигает преподавательского места и с мучительным наслаждением брякает на стол такой чудовищно тяжёлый портфель, что им можно потопить лодку. – Я – доцент Филарет Сигизмундович Фандобный. Ранее проходил службу в органах военной прокуратуры. Назначен преподавать вам основы государства и права.

– Здоров, – вяло откликается Авогадро, свисая со стула, словно бабушкина кофта. Остальные товарищи курсанты хихикают.

Фандобный посылает в Авогадро почти смертоносный взгляд, потом набирает полную грудь воздуха и подаёт команду оглушительным басом:

– Вста-а-а-ть!

На крыльцо выходит Алина Пискулина: лицо – хаотичный набор черт, глаза цвета болотной тины, очки в неудач-

ной оправае, длинная чёлка, печальная улыбка. Душераздирающее зрелище. Русалина протягивает несчастной брюнетке сигарету. Пискулина закуривает.

– Я тебе уже говорила, Алина. Мне кажется, что ты должна сменить свой довольно-таки депрессивный имидж, – говорит Русалина, указывая на чёрную футболку «Мы все умрём».

Пискулина безнадёжно машет рукой:

– Бесперспективняк.

Русалина возмущается:

– Не будь курицей, Алина! Плюнь на прошлое, смени имидж, заведи себе новую жизнь.

Пискулина вздыхает:

– А что мне делать со старой?

– Просто выкинь на помойку. Если хочешь, я тебе помогу.

– А, вот вы где ошиваетесь! – раздаётся за спиной девушек весёлый мужской голос.

Вздвогнув, Русалина и Пискулина одновременно оборачиваются. Из приоткрытых дверей Института на них смотрит улыбающийся во весь рот замдиректора по воспитательной работе. «Вадим Красивов, кажется», – вспоминает Русалина.

– Бросайте курить, студиозусы. Бегите скорее на лекцию. Сигизмундыч уже там и во всю зверствует.

Красивов шире открывает двери, чтобы пропустить ребят. Когда Русалина проходит мимо замдиректора, он бро-

сает со смешком:

– Что-то вы, девушка, совсем бледненькая. Вам нужно больше гулять. Лес-то ведь рядом.

Абитуриенты замерли у своих столов по стойке смирно. Лишь долговязый Авогадро наклонился к полу, будто поисковая рогулька. Ребята таращатся на орущего Фандобного с таким же страхом, с каким смотрели бы на тикающую адскую машинку. Они не знают, что властный Фандобный басом разговаривает только с подчинёнными. С директором он общается баритоном, а с женой тенором.

– Можно войти? – это Русалина нечаянно разрушает всю прелесть атмосферы ужаса, успешно созданную Фандобным.

– Войдите! – рявкает Фандобный. – Прощаю опоздание в первый и последний раз. Курсанты должны неукоснительно выполнять устав Института и приказы командования. Неукоснительно!

Покраснев, Русалина занимает своё место. Вслед за ней в аудиторию проникают прокуренные Пискулина, Съедобин и Марамзоев.

– Вас мои слова тоже касаются, товарищи курсанты! – бурчит им, остывая, Фандобный. – Вставайте в строй. Итак, я объясняю порядок проведения наших занятий. При входе преподавателя в аудиторию, личный состав должен встать. Преподаватель приветствует курсантов, курсанты дружно отвечают ему: «Здравствуйте, товарищ преподаватель!» Ста-

роста группы докладывает о наличии личного состава. Если у кого-то из вас появится вопрос, нужно поднять руку и после разрешения задать его в лаконичной и понятной форме. Всё ясно? Тогда садитесь. Сейчас вы начнёте постигать, какую пользу сможете причинить своей Родине.

* * *

В учебном отделе тихо играет радио. Чернокнижник задумчиво разглядывает личные дела абитуриентов. Перебирает документы, вертит в руках фотографии. Сегодня один из недорослей привлёк его внимание. Одно лицо вдруг, как гвоздём, царапнуло память. Больно царапнуло. Теперь Чернокнижник хочет понять, почему это его так зацепило. По Институту шныряет множество абитуриентов, будто стаи бродячих собак, превратившиеся в молодых болванов, ну и что? «Я же точно знаю, что мёртвые никогда не возвращаются».

Радио торжественно объявляет: «"Русское поле". Слова Инны Гофф, музыка Яна Френкеля, исполняет Иосиф Кобзон, в сопровождении оркестра Всесоюзного радио под управлением Вильгельма Гаука. Музыкальный редактор Лев Штейнрайх».

Чернокнижник, довольно кривя губы, делает звук погромче. «М-дя, вот это я понимаю – настоящее искусство. Не то, что ваше современное хрю-хрю!»

– Здравствуйте, ребята! – громко говорит Алевтина, чтобы привлечь к себе внимание группы. – Сегодня историю веду я. По расписанию у вас должен быть Верёвкин, но он болен, поэтому я временно заменяю Айвенго Николаевича.

– А это хорошо или плохо? – ехидно спрашивает Обморок.

– Для меня не очень хорошо, а для вас, молодой человек, точно плохо.

– Почему это?

– Потому, что вы сейчас будете отвечать первым.

Обморок втягивает голову в плечи. Видно, что история – это не его конёк.

– Ты зачем сам на проблемы напрашиваешься, debil? – шепчет ему сзади Авогадро.

– Я не преподаватель, – продолжает Алевтина, – учусь здесь в аспирантуре. Меня зовут Алевтина Чмарь. Можно просто Алевтина.

– А зачем юристам знать историю? – задаёт вопрос Кирпичонок. – Всё равно она постоянно требует пересмотра.

– Знание прошлого позволяет увереннее смотреть в лицо будущему, – отвечает Алевтина и опять обращается к Обмороку: – Встаньте, молодой человек. Как ваша фамилия?

– Белозёров, – с неохотой говорит Обморок, поднимаясь.

– Очень приятно, Белозёров. Перечислите нам, пожалуйста, какие общества сменяли друг друга на протяжении истории человечества.

Обморок беспомощно смотрит на Авогадро. «Выручай, друг!» Тот, сооротив задумчивую мину, крепко смыкает веки. Понятно, что тоже ни фи́га не знает. Тогда Обморок отчаянно бросается в незнакомые воды:

– Первым было общество эксплуататоров трудового народа!

Лиза Тростянская вздымает длиннющую руку над головой, но Алевтина подбадривает Обмороча:

– Блестяще, дальше.

– Его сменило общество вредителей и врагов народа.

– Где-то близко, Белозёров.

– А закончилась вся эта бодяга обществом жуликов и бюрократов, кароч.

– Достаточно, – вздыхает мощной грудью Алевтина. Взгляды мужской части группы сразу прилипают к этой груди. – Придётся вам, Белозёров, освежить школьные знания. И, думаю, не только вам.

Алевтина отворачивается от Обмороча, и пока здоровенная аспирантка с тоской смотрит в засиженное мухами окно, он быстро показывает ей средний палец.

– Надеюсь, Коневодова, мы с вами сработаемся, – со значением произносит Абстракция Аркадьевна, выжививая чёр-

ный кошачий волос из покрашенного рта. Леонард лежит на коленях женщины-вамп и презрительно смотрит круглыми глазами на Машку, скромно стоящую в центре учебного отдела.

– Я буду стараться, Абстракция Аркадьевна.

– Что ж, посмотрим. И учтите, милочка, что староста группы пользуется определёнными, м-м-м, преимуществами и на экзаменах, и при зачислении в Институт. Я бы даже сказала, не преимуществами, а поблажками. Будете мне помогать – получите хорошее образование, а это ведь путь в высшую лигу, милочка!

– Ясно, Абстракция Аркадьевна.

– Вы должны понимать, Коневодова, что администрация Института не может пускать на самотёк жизнь абитуриентов. Они же понятия не имеют, для чего нужна голова и руки. Творят, что хотят. Например, на днях у завхоза Бабляна кто-то стащил связку запасных ключей от всех помещений. Поэтому вы будете регулярно сообщать мне о том, как живут ваши одноклассники. Что делают, что говорят. Будем вместе, так сказать, противостоять разгильдяйству. Взаимодействовать. Разумеется, одноклассникам знать об этом не обязательно. Только вы и я.

– Понимаю, Абстракция Аркадьевна.

Женщина-вамп расплывается в хищной улыбке.

– Я рада, что ты такая понятливая, Машенька. Возьми этот журнал. Староста группы ведёт журнал посещений за-

нятий, проводит собрания группы, следит за порядком в общежитии, вообще является связующим звеном между абитуриентами и администрацией Института. Ну, как? Мы договорились, Машенька?

– Я всё сделаю, Абстракция Аркадьевна.

Машке очень хочется быть связующим звеном.

Родионов лежит с открытыми глазами в жаркой тьме. Его донимает храп Кирпичонка. И некстати зудит шрам на похолодевшей щеке.

– Хррр-ха!

Опять?! Родионов приподнимается с постели. У него в ногах невесомо сидит Усатый Прапор. И что ему здесь понадобилось в два часа ночи?

– Товарищ прапорщик?

– Он самый. Давно хотел тебя спросить, воин...

Родионов раздражённо перебивает:

– Я сам вас давно хотел спросить, товарищ прапорщик.

Скажите, почему мой ангел-хранитель всего лишь прапорщик?

Усатый Прапор разводит руками.

– Не знаю, воин. Наверно, никого чином повыше в тот момент не было. Ну и связаны мы с тобой, конечно.

– Чем связаны?

– Той гранатой.

Родионов опускает голову обратно на подушку.

– Да, кому-то в ангелы-хранители достаются великие люди, а мне достались вы, товарищ прапорщик. Мне редко везло. Вот и тут – только прапорщик, только хардкор.

Родионов обиженно замолкает. Смущённо покашливая, Усатый Прапор задаёт вопрос, который ему не даёт покоя:

– Ты не в курсе, воин, меня хоть наградили посмертно?

Вторник.

Утро начинается со скандала. Ночью кто-то украл курицу из кастрюли, которую оставили в кухне на плите Баха с Кукукиной. Теперь взбешённая Кукукина с Бошариком подмышкой бегают по комнатам, врывается без стука, нюхает воздух и, вращая зенками, задаёт один и тот же вопрос:

– Это не вы нашу курицу прихватизировали, нелюди?!

Разумеется, ответы различаются по лексическому составу, величине и эмоциональному накалу, но дружно сводятся к общему смыслу: «Нет, идиотка! Закрой дверь!»

В поисках пропавшего обеда Кукукиной активно помогают Обморок и Кирпичонок. Безуспешно. Такое впечатление, что курица, греясь ночью в кастрюле, внезапно обрела тягу к жизни, перья и способность летать. Ушлая оказалась птичка. Или не птичка? Пришлось Бахе доставать из закромов пачку лапши быстрого реагирования со вкусом старых носков. Впрочем, это было уже позже.

Первым уроком в расписании указан русский язык и ли-

температура. В аудитории ребят встречает взрослая версия Пинокио – длинноносый очкастый мужчина казалось составленный из частей принадлежавших разным людям. Его нос выглядит, как дырчатый сыр с низким содержанием холестерина. Серые ввалившиеся щёки выдают отсутствие за ними зубов. С задумчивым видом мужчина разглядывает висящий на стене портрет Эйнштейна. В ответ великий учёный показывает очкарику длинный язык.

– Какой он стрёмный! – невольно вырывается у Инги Карибской.

– Получи пять высших, и да – ты станешь такой же стрёмной, – хихикает Кирпичонок. В ответ красавица смотрит на него, как на низшую форму жизни.

– Руслан Вячеславович Верхотурцев, – невразумительно называет мужчина своё имя-отчество-фамилию, когда вся группа занимает места. – Я наделён, гм, полномочиями подготовить вас, отроки и отроковицы, к сочинению. Подозреваю, что не любовь к литературе привела вас в это вопиюще печальное место, а скорее, гм, высокий градус авантюризма.

В голосе Руслана Вячеславовича звучит такая надежда, что так оно и есть, что Обморок, не удержавшись, выкрикивает:

– Конечно, не любовь! Я за всю жизнь прочитал всего одну книжку – сказку про то, как Буратино съел Чиполлино.

Авогадро сердито дёргает друга сзади за рубашку.

– Это хорошо, – одобрительно произносит Руслан Вяче-

славович. – В вашем нежном возрасте интересуются исключительно, гм, мастурбацией.

Руслан Вячеславович оживает.

– Вы знаете, меня всегда поражало, как люди умудрились придумать столько сложных слов для одного несложного действия: мастурбация, мануступрация, анафлазм, ипсация, моносекс. Или, например, другое: иррумация, пенилинкция, фаллаторизм, фелляция. Впрочем, термин «фелляция» имеет право на жизнь. Он звучит, как красивое итальянское имя. «Синьорина Фелляция, сделайте мне минет, пер фаворе». Очаровательно, не правда ли?

Руслан Вячеславович замолкает, глубоко задумавшись.

– Мы всего лишь хотим получить корочки о высшем образовании, – нарушает тишину Кирпичонок.

– Ну и напрасно, – рассеяно замечает Руслан Вячеславович. – Я уже втиснул в свою маленькую жизнь пять дипломов. Поверьте, после третьего ценность образования теряется.

– Ну, товарищи курсанты, кого мы произведём в любимые препода? Кто оставит пламенный след в наших сердцах? – спрашивает Кирпичонок одногруппников после русского и литературы. – Бесноватого генералиссимуса Фандобного, сияющую Алю или сексуально озабоченного Русика?

– Сегодня ещё предстоит иностранный язык, а в пятницу с нами случится физкультура, – напоминает Обморок. –

Между прочим, тебе, Авогадро, не мешало бы подкачаться.

Авогадро, пребывающий после полуторачасовой лекции в глубокой прострации, подавленно шепчет:

– Отличная идея, debil.

– Нужно активнее участвовать в жизни современного общества. Нельзя быть настолько социально пассивным, мой дистрофичный друг, – с укором говорит ему Обморок.

– Белочка твой друг и кореш, – шепчет Авогадро и закрытием глаз закрывает тему.

– Сначала нужно познакомиться со всеми преподами, а уж потом производить в любимые, – замечает Кукукина. Она поворачивается к своему соседу: – Скажи, Денис, почему у тебя на руке перчатка?

– Скальпированная рана кисти, – сквозь зубы отвечает Съедобин.

– Офигеть! Как же ты так? – сочувствует Кукукина, упираясь твёрдыми, словно ракушки, коленками в пухлую голень Съедобина.

– Сунул не туда, куда можно.

Галя с состраданием смотрит на сердитого букашку.

– А куда ты сунул?

– Себе в рот.

– Нет, правда?

– Так, хорош! Заткнись, Кукукина, – обрывает разговор Съедобин.

Ярко-синий купол неба. Хлопковые коробочки облаков на нём. На нагретой солнечным светом ступеньке развалился Леонард. Его разноцветные глаза закрыты, но большие треугольные уши чутко прядают на малейший звук. Подчиняясь неодолимой, как зов природы, тяге к табаку, у крыльца вдумчиво курят Алина Пискулина, Русалина и Машка Коневодова. Солнце гладит горячей рукой девчонок по щекам. Рядом с ними сухая, словно лучина, Лиза Тростянская со стоическим лицом сосредоточенно ковыряет белой тростью землю. Подружки вывели её подышать свежим воздухом. Теперь они монотонно бубнят и дымят сигаретами, навевая на усталую Лизу сонливость и ядовитый дым.

– Ну и лето! Просто дуреешь от этой жары, – недовольно произносит Коневодова. – Девчата, вы заметили, что в Институте постоянно темно?

– У света для нас места нет, а у нас нет места для света, – вдруг мрачно изрекает Пискулина.

– Ну, почему ты всегда такая трагичная, Алина? – с жалостью говорит Русалина. – Ты же привлекательная девчонка! Поверь, все твои невзгоды перемелятся и будет тебе счастье.

– Тебе легко говорить, а у меня год назад старшего брата убили.

– Ужас! Кто?

Услышав испуганное восклицание Русалины, Леонард открывает зелёный глаз.

– Никто не знает. Его Женя звали, как этого лохматого

Кирпичонка. Брат связался со скинхедами. Попал в плохую компанию. Они его Писклём прозвали. Начались пьянки, драки. Прошлым летом Женю нашли в лесу на берегу реки с пулей в голове. Мы так и не узнали, кто это сделал и за что.

У Пискулиной дрожат губы. Бросив сигарету, Русалина обнимает девушку. Та утыкается лицом в Русалинино плечо и всхлипывает. Коневодова отворачивается от чужого горя. А что тут поделаешь? Висящий на груди Тростянской сотовый телефон начинает верещать и судорожно биться. Леонард открывает голубой глаз.

– Да? О, привет, мамуля!

...

– Да, у меня всё нормально.

...

– Да, ребята хорошие. Девочки мне помогают.

...

– Не волнуйся, мамуля, я вернусь к твоему дню рождения. Я люблю тебя.

Лиза отнимает мобильник от уха. На незрячем лице блуждает улыбка. «Дом! Милый дом!» Пискулина рыдает в объятиях Русалины. Русалина успокаивающе поглаживает её по коротко стриженной голове. Повернувшись к ним, Коневодова бросает:

– Ладно, харé рыдать. Пошли на учёбу.

Одинаковые, как три затёртые спички, преподавательни-

цы иностранных языков делят группу на неравные части. Эсфирь Давидовна Шпицберген уводит на английский Рустама Марамзоева, Алину Пискулину, Авогадро, Обморока, Русалину, Родионова, Ингу Карибскую и Лизу Тростянскую. Ида Моисеевна Телогрейкер забирает на немецкий Баху, Съедобина, Кирпичонка и Галю Кукукину. «Француженке» Асе Соломоновне Рубль достаётся одна непарная Машка Конеходова.

– Sit down please! – говорит ребятам Эсфирь Давидовна в кабинете английского языка.

Все рассаживаются. Пискулина с Тростянской, Обморок с Авогадро, Русалина с Родионовым, Карибская и Марамзоев поодиночке.

– Что нам только что сказала эта чахлая канарейка? – тихо спрашивает Обморок у Авогадро. – У меня самое смутное представление об английском.

– Садись, дебил!

– Я и так уже сижу, но что означает по-русски «ситдаун-плиз»?

– То и означает: садись, дебил! Теперь понял, дебил? – шипит Авогадро.

– Nehmen Sie Platz! – говорит ребятам Ида Моисеевна в кабинете немецкого языка.

Ребята садятся: Кукукина со Съедобинным, Баха с Кирпи-

ЧОНКОМ.

– В изучении немецкого языка, молодые люди, вам необходима мотивация, – вещает Ида Моисеевна, грассируя. – Один пгимег. Начинающие уголовники бысто и в совегшенстве овладевают, так называемой, воговской феней, но не в состоянии выучить таблицу немецких непгавильных глаголов. «Почему же?» – конечно, спгосите вы. И я вам сейчас таки отвечу. Пгосто потому, что феня необходима начинающим уголовникам для пгофессионального и кагьегного госта. Увы, без знания блатной музыки гассчитывать на пгиличное к себе отношение в местах не столь отдалённых пгосто глупо. Вот они и стагаются. Тепегь вам понятно, какое значение имеет мотивация?

А Ася Соломоновна в кабинете французского языка увлечённо рассказывает Машке Коневодовой о том, как она познакомилась в интернете с одним французским виноделом. «Но это стьёго между нами, Маша! Пьёсто как женщина женщине. Шоб вы себе знали». Он вдовец, одиноко живёт в своём старинном замке. Очень приличный мсье, хорошо сохранившийся, хотя и значительно старше Аси Соломоновны. Но для мужчины главное ведь не возраст. «Вы же меня понимаете, Маша?» Винодел пригласил Асю Соломоновну на католическое Рождество во Францию. Ася Соломоновна счастлива. Одной ногой она уже в замке. И пусть Ида с Фирой «Пайдон, Ида Моисеевна с Эсфийью Давидовной» обзави-

дуются!

Душный вечер уже почти перешёл в душную ночь, когда у Алевтины раздаётся звонок мобильного. Она лежит в постели, но ещё не спит – лакомится шоколадными вафлями. Разглядывает фотографию трёхмесячной племянницы, висящую над кроватью. Дитё мило улыбается беззубым ротиком. Однако, похоже, что мобильник умолкать не собирается, поэтому Алевтина заставляет себя встать и взять телефон. Ей звонит преподаватель истории Айвенго Николаевич Верёвкин. В молодости старшие Верёвкины были романтическими идиотами, зачитывались Вальтером Скоттом, вот и назвали своих детей Ровена и Айвенго. С возрастом романтизм полностью улетучился, а романтические идиоты превратились в парочку старых пердунов, недовольных всем на свете. Самому Айвенго Верёвкину теперь далеко за сорок, но это тот единственный мужчина в Институте, к которому Алевтина испытывает симпатию. Алевтина и Айвенго!

– Добрый вечер, Аля. Извини, что беспокою так поздно.

– Добрый вечер, Айвенго Николаевич. Не извиняйтесь. Я рада вашему звонку.

В грубом голосе Алевтины звучит несвойственное ему воркование, впрочем, больше похожее на клочкотание раскалённой лавы в жерле вулкана.

– Я в замешательстве, Аля. Мне крайне неудобно просить тебя ещё раз, но не могла бы ты завтра меня снова заменить.

Я пока не могу выйти на работу. Как не вовремя эта чёртова простуда! Выручишь?

Алевтине приятно выручать Айвенго. «Он же такой слабенький!»

– Конечно, заменю. Ни о чём не волнуйтесь. Выздоровляйте.

– Спасибо, Аля. Пойду болеть дальше.

– Пока-пока.

Алевтина возвращается в постель, вытягивается на простыне, как на влажном саване. Она хочет мечтательно улыбнуться, но тоненький детский плач из коридора стирает с её лица самое начало улыбки.

У Родионова гостит набивший оскомину Усатый Прапор. Кирпичонок крепко спит, отвернувшись к стене.

– А я не слышал, товарищ прапорщик, чтобы привидения помогали людям, – вполголоса говорит Родионов неопределённому густо-серому пятну, сформировавшемуся у него в ногах. – Обычно они занимаются мелкими пакостями: по ночам стучат в стену, скрипят половицами, стонут в подвале, разливают воду под ногами, посыпают пылью полки, выключают свет в туалете, когда ты там сидишь, портят продукты в холодильнике, пугают неожиданными воплями слабонервных...

– Это всё предрассудки невежественных людей, воин. Древние суеверия. Ну, или крайняя степень морального па-

дения отдельных призраков. Закрепил в голове?

В этот момент Родионов слышит чей-то лёгкий топоток в коридоре, но не придаёт этому факту никакого значения. Впрочем, Усатый Прапор, на всякий случай, растворяется в темноте.

4

Дни сменяют друг друга. Среда.

Утром опять скандал. Ночью неизвестный злодей снова вытащил курицу из кастрюли Бахи и Кукукиной. На этот раз Галя уже не бежит по комнатам, а сидит на кухне и проливает горькие слёзы, утирая их Бошариком. Баха, как может, успокаивает соседку. Увидев растрёпанную голову Кирпичонка в дверях, Баха сердито говорит ему:

– Так дальше продолжаться не может. Чужие здесь не ходят, значит, кто-то из наших. Что-то с этим надо делать, Женька.

– Сделаем, – с готовностью кивает Кирпичонок.

– Да что тут сделаешь, – хнычет Кукукина. – Изверги, нелюди же вокруг!

– Успокойся, Галка, – говорит Баха. – Не все нелюди.

– Не плачь, Кукукина. Будет и на твоей кухне праздник. Я знаю, что делать, – понижает голос Кирпичонок.

– Что?

– Только никому ни слова.

Кирпичонок едва слышно рассказывает девчонкам о своём плане.

– Сечёте?

– Думаешь, сработает? – с сомнением говорит Баха.

– Сто процентов!

– Почему у вас малая плачет? – строго спрашивает Коневодова, заходя в кухню.

– Они опять курицу прощёлкали, – отвечает Кирпичонок, подмигивая Бахе и Кукукиной. Молчок, мол.

– Какое кашко! И что теперь?

– Ничего особенного. Девушки переходят на хурму. Второе правило веганства: если украли мясо – ешь овощи и фрукты.

Потом было право.

Доцент Фандобный в воинственной рубашке защитного цвета лишает молодёжь индивидуальности: «Встать! Сесть! Так точно! Никак нет! Белозёров, не стройте понапрасну рожки Тростянской!»

Лиза становится красной, как валентинка. Пацаны хихикают. Обморок по-идиотски улыбается.

Фандобный монотонно читает заплесневелый учебник. Всем ясно, что тянет лямку. Ребятам скучно и ничего не понятно, как в экспериментальном кино. От речитатива Фандобного веет безысходностью. Глаза гаснут...

Потом была история.

Занятие опять ведёт Алевтина. У неё сильно развит материнский инстинкт, поэтому она постоянно заменяет вечно хворающего Верёвкина. Со своей статью борца сумо Алевтине легче загарпунить кашалота, чем очаровать нормально-

го парня, поэтому ей остаётся следовать путём интеллектуального развития и вести за собой по этому пути стадо бесполовых абитуриентов. Жизнь – хуже не придумаешь.

– ...а я всегда почему-то думал, что Холокост – это еврейский праздник, – озадаченно шепчет Авогадро Обмороку.

– А я считал его сортом клея...

Русалина украдкой посматривает на Родионова. Ей ужасно хочется взять его за руку, поворошить волосы, нежно погладить по обветренной щеке. Но Родионов сосредоточен на лекции. Внимательно слушает могучую аспирантку, конспектирует. Конечно, ему не до сантиментов с легкомысленной веснушчатой девчонкой. Её-то тетрадка пока девственно чиста.

Русалина вздыхает. Она не догадывается, что Родионову ужасно хочется того же самого.

Когда после занятий вконец обалдевший Родионов выходит из Института, чтобы вдохнуть лесного воздуха, он понимает, что утренний скандал ещё не закончился. На улице стоит шум, гам, суета и томление духа. Даже дневной охранник – долговязый и костистый Вася Тупой – оторвался от своих кроссвордов, выглядывает из стеклянных дверей наружу, но ничего не предпринимает. Кстати, «Тупой» – это настоящая Васина фамилия, а не то, что можно подумать.

В общем, Родионов выходит. Источник шума, гама и су-

еты становится понятен. На раскалённой от белого солнца крыше лады-уморы увесистым шариком прыгает Баха и вопит во всё горло Марамзоеву:

– Признавайся, Рустам, это ты взял наш обед?! Я видела, как ты вечером пускал слюни на Кукукинскую курицу!

– Не брал я вашу долбаную курицу! – кричит Марамзоев, пытаюсь сковырнуть Баху со своего «паровоза для пацанов». С каждым приземлением Бахи огонь-машина сильно теряет в цене.

– Это напишут на твоей могиле! – истерично орёт багровая от ярости Кукукина, бегая вокруг лады. – Всех кур украли, всю кровь выпили, нелюди!

– Осторожно, Баха, – предупреждает Кирпичонок, смеясь. – Самоубьёшься. Эта крыша запросто в баян складывается. Она же из фольги. У моего бати точно такой же «чулан» через два месяца зацвёл.

Кирпичонок стоит рядом с Ингой Карибской, которая, презрительно оттопырив нижнюю губку, наблюдает за Бахиными прыжками и Галиными кругами.

– Ты Русалину не видел? – задаёт Родионов вопрос Кирпичонку.

– Не видел. А ты, Инга, не знаешь, где Русалина?

Карибская молча смотрит на парней.

– Что молчишь? Видела или нет?

Карибская корчит гримасу.

– Пытаюсь вспомнить, как она выглядит.

Родионов злится на вредную красавицу, но вот гадство: у этой кобры даже гримаса симпатичная!

На институтском крыльце появляются Красивов, смачно посасывающий неприличного вида незажженную сигару, Верхотурцев с сигаретной пачкой в руке и Фандобный с портфелем. Тоже вышли покурить. Увидев Баху, выделяющую па на ладе джигита (дынц-дынц-дынц!), Фандобный командует:

– Отставить танцы, Сарсенбаева! Что за бордель устроили? Вы бы ещё сняли штаны и над головой ими крутили!

Смутившись, Баха спрыгивает на землю. Кукукина со злостью показывает кулачишко Марамзоеву и уводит подругу в здание. Перевозбуждённый Рустам бормочет им вслед самые страшные горские проклятия.

Ночью Родионова будит топот ног. Кто-то сломя голову несётся по коридору мимо седьмой комнаты. Да не один. Легко различить две пары торопливых ног. Резко хлопает дверь туалета. И тихо. Родионов зовёт соседа:

– Жека, ты не спишь?

Кирпичонок что-то неразборчиво ворчит спросонья. Родионов снова спрашивает:

– Жека, ты сейчас слышал?

– Да спи ты, Родионов! Всё под контролем. Я вечером в куриный бульон впендюрил две пачки слабительного. Для разжигания аппетита. У меня эти пачки давно валялись.

Старинные, как знаки различия Красной армии. И да – бульон приобрёл опасные для куриных жуликов характеристики. Вот засранцы теперь и летают в туалет наперегонки. И всю ночь будут летать. Пусть сегодня померкнут те, кто сиял вчера. А ты просто не обращай внимания.

– А кто засранцы?

– Будут возвращаться – узнаешь. Но я и так догадываюсь. Всё, отвали. Третье правило веганства: ночью нужно спать!

Кирпичонок, смежив веки, тут же принимается храпеть, а Родионов лежит, напряжённо прислушиваясь к тишине. Вот тихонько скрипнула дверь туалета и двое засранцев осторожно прошли в обратную сторону. Зашли в соседнюю комнату. Это комната номер восемь. Значит, Обморок и Авогадро. Вот утырки!

Четверг.

Рано утром Родионов и Кирпичонок просыпаются из-за криков в коридоре. Наскоро одевшись, они выглядывают за дверь. У туалета стоят Баха с Кукукиной и ругаются с Обморком и Авогадро, которые надолго там уединились.

– Три курицы, как с куста! Что за люди! О, где же ты дно?! – риторически вопрошает Кукукина, яростно тряся дверь туалета. Ей вторит Баха:

– Тут вам не шведская семья! Дружба дружбой, а курица врозь!

Из-за двери слышен слабый голос Обморoka:

– Что вы докопались до нас, как пьяный до радио: «Спой, да спой?» У нас нет денег на хавчик. Вот мы и шпионерили у вас немножко куриц. Что же нам теперь – тапки с чердаков жрать?

– Коржики из кизяка лепите! – визжит маленькая Кукукина. – Откройте дверь! Сейчас как дам с ноги! Будете в унитаз своими костями ходить!

– Не наезжай, Кукукина! У меня же лунатизм, – оправдывается Обморок. – Я нечаянно ваших кур брал. Очнусь в своей комнате, а в руках варёная курица. Ну, мы с Авогадро и приговорим её на двоих, кароч.

– Ага, и так три раза подряд! – ехидно замечает Баха. – Лунатик сраный! Вот уж действительно – хуже наркомана могут быть только два наркомана!

– А травить людей токсичным бульоном – это уголовная статья, – огрызается Обморок.

– Яд – вообще-то средство чокнутых английских аристократок, – добавляет Авогадро.

– Это кто там у вас засел? – строго спрашивает Машка Коневодова, подходя.

– В туалете проходит малый слёт наркош, – сообщает Кирпичонок, по-военному отдавая честь старосте группы.

– Ладно, девчата. С Обморокем и Авогадро потом поговорим. А вообще, плюньте на них. Они же немного придурки. Лучше скажите, вы про Лизу Тростянскую ничего не слышали?

Баха, Кукукина, Кирпичонок и Родионов обмениваются недоумёнными взглядами.

– Нет, а что?

– Алина Пискулина говорит, что Тростянская не ночевала в общежитии. И вещей её нет. Куда она могла деться? Ведь она же не видит.

– Может, Лиза домой уехала? – предполагает Кирпичонок.

Коневодова скептически качает головой:

– Может и уехала, только почему никого не предупредила? Я отчего-то беспокоюсь.

– Вроде Лиза собиралась на мамин день рождения, – неуверенно говорит Русалина. Она вышла в коридор следом за Коневодовой.

– Значит, ты зря беспокоишься, – улыбается Машке Баха. – Что тут с ней может случиться? Скорее всего, Лиза к маме уехала. Наверняка Золужка знает. Нужно у неё спросить.

Шумное собрание возле туалета привлекает даже Алевтину. Массивная аспирантка появляется в коридоре, закутанная в банный халат и с полотенцем, накрученным на голову.

– Что тут у вас творится?

Галя Кукукина возмущённо тараторит:

– Мы Обморока и Авогадро, то есть Белозёрова и Соловых, застукали. Они наших кур воровали! Представляете? Хорошо, Женька Кирпичонок догадался пургена в кастрюлю

насыпать. Вот теперь эти нелюди и не могут слезть с унита-
зов.

Алевтина кривится:

– Да я давно знаю, что Белозёров рыщет здесь по ночам.

Она поворачивается к дверям туалета и гаркает не хуже
Фандобного:

– Эй, там за стеной! Потребители пургена! Заканчивайте
свои посиделки. У вас скоро русский язык и литература.

Русский язык и литература. Верхотурцев.

Руслан Вячеславович смотрит на ребят поверх очков, по-
том, толком ничего не разглядев, смотрит на них сквозь оч-
ки.

– А где девушка, похожая на, гм, пугало?

– Отсутствует, – кратко отвечает Коневодова.

– Как её имя?

– Лиза Тростянская.

– Я потом запишу, – рассеяно обещает Руслан Вячеславо-
вич. Он всегда обещает записать имя, но постоянно забыва-
ет это сделать или теряет записи и вечно всех путает.

– Итак, отроки и отроковицы, сегодня у нас поэма Влади-
мира Маяковского «Летающий пролетарий».

Обморок поднимает руку, страдальчески сморщившись.

– Чего тебе, э-э, Белозёров?

– Можно выйти?

Авогадро поспешно присоединяется к Обмороку:

– И мне!

Перед английским Русалина и Родионов подходят к Пискулиной.

– Алина, что случилось с Лизой Тростянской? – спрашивает Русалина.

Пискулина пожимает плечами:

– Не знаю. Я же у тебя сидела после занятий, а когда вернулась в свою комнату, вижу – вещей Лизиных нет и её самой нет. Так и не пришла.

– Странно. Она ведь слепая, словно крот, – замечает Обморок.

– Ума не приложу, куда Лиза могла деться.

– Может, Золужка знает? – подаёт голос Авогадро.

– Золужка тоже ничего про Лизу не знает, – отвечает Машка Коневодова, входя в кабинет английского языка. – Я только что у неё спросила.

– А дуле тут хумать? Нужно сообщить рыжей ведьме, кароч – говорит Обморок.

– Ты это о ком? – с удивлением смотрит на друга Авогадро.

– Про Абстракцию, конечно. Между прочим, нехилое имечко!

– В общем так! Если к ужину Тростянская не появится – схожу в учебный отдел, – решает Коневодова.

К вечеру незрячая абитуриентка так и не появилась, поэтому Машка Коневодова, проведя после занятий небольшое расследование, направилась к Абстракции Аркадьевне. Машка очень зла на Лизу: «вот овца!» и всё такое. Машка – староста группы всего лишь четвёртый день, а уже лишилась одной боевой единицы, пусть даже слепой, как летучая мышь.

– Что тебе, Машенька? – спрашивает женщина-вамп, когда Машка, постучав, просовывает голову в дверь учебного отдела. Абстракция Аркадьевна одета в обуживающий чёрный брючный костюм. На коленях растянулся её любимец Леонард. Абстракция Аркадьевна давно отказалась от попыток избавиться от кошачьей шерсти на одежде. Да и угольное на чёрном совсем незаметно. По столу раскиданы карты Таро. За другим столом сидит Таня Храмытских с таким измученным видом, будто весь человеческий род забрался на её шею и едет, свесив ножи.

– У нас Лиза Тростянская пропала, Абстракция Аркадьевна, – озабоченно говорит Машка, косясь на карты с диковинными рисунками.

– Тростянская?

– Слепая девушка в платье страшного вида. Помните?

– Что значит «пропала»? – вскидывает Абстракция Аркадьевна нарисованную на лбу бровь.

– После вчерашних лекций Тростянскую никто не видел. Ну, как испарилась!

– А у коменданта общежития ты спрашивала или на вахте у Васи Тупого?

– Спрашивала. Никто Лизу не видел.

– Может, попросить Баблюяна, чтобы, как следует, осмотрел здание? – безжизненным голосом предлагает Таня Храмытских.

Абстракция Аркадьевна отрицательно качает головой с рыжим пучком на темени:

– Баблюян уже ушёл домой. Чем гадать попусту, пусть лучше карты скажут, куда делась эта Тростянская.

Абстракция Аркадьевна постукивает крашеными ногтями по прямоугольникам атласной бумаги.

– Ух, ты! – восторженно удивляется Машка. – А вы умеете на картах гадать, Абстракция Аркадьевна?

– Абстракция Аркадьевна умеет и никогда не ошибается, – равнодушно вставляет Таня Храмытских.

– Просто карты никогда не врут, – говорит женщина-вамп, тасуя колоду.

– Это колдовство, Абстракция Аркадьевна?

– Ну, что ты, Машенька. Самое невинное гадание.

Абстракция Аркадьевна протягивает колоду Машке:

– Вытащи одну карту, Машенька.

Машка с опаской тянет.

– Теперь переверни и покажи мне.

Показывает. Абстракция Аркадьевна впивается глазами в изображение, словно пытаясь узреть что-то невидимое.

– Что это за карта, Абстракция Аркадьевна?

– Это туз мечей.

– Перевернутый туз мечей, – добавляет Таня Храмытских.

Она смотрит на гадание со своего места, вытянув шею.

Абстракция Аркадьевна бросает на своего секретаря недовольный взгляд и вставляет карту обратно в колоду.

– А что обозначает перевернутый туз мечей? – спрашивает Машка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.